

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ГРУСТЬ» И «ПЕЧАЛЬ» В ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА

Важную роль в раскрытии специфики русской языковой картины мира (РЯКМ) играют концепты «грусть» и «печаль». Концепты «Грусть» и «Печаль» исследовались А. Вежицкой [3], Ю. С. Степановым [10], Н. А. Красавским [5], Л. А. Каллимулиной [4], Н. А. Погребной [7], А. Д. Шмелевым [12].

Не менее значимы концепты «Грусть» и «Печаль» в поэзии В. Брюсова. Место данных концептов в поэтической картине мира анализируемого автора подтверждают частотность ключевых лексем грусть (8 словоупотреблений, далее с/у) и печаль (26 с/у), сильная позиция текста лексем-репрезентантов («*– Юноша! Грустную я вьду,*», «*Если сердцу тяжело и грустно*», «*Безбрежность восторга! Бездонности п^ечали!*», «*Я жить хочу! Хочу п^ечали, любви и счастию назло*», «*Печален был туманный взор*»), разнообразии текстовых экспликаций.

Лексемы грусть и печаль активно манифестированы в РЯКМ. Ученые указывают, что грусть и печаль имеют славянские корни, «представляют собою общепотребительные, повседневные русские слова» [3, с. 509]. По И. И. Срезневскому, грусть – это тяжёлое чувство: «тяжёлый, грустный» [9, с. 600]. Л. А. Каллимулина констатирует, что ещё в древнерусском языке зафиксированы «предикаты с инвариантным значением «испытывать печаль, скорбь»: болѣзновать, болѣть, горевать, дряхловать, жалить, жалѣть, кручиниться, малодушествовать, печалиться, п^еловать(-ся), скорбѣть, сокрушаться, стужатися, стужити, сѣтовать, мостуются, тужить, унывать и др.» [4, с. 434].

В РЯКМ лексемы грусть и печаль в определённой степени синонимичны: синонимами лексемы печаль являются слова грусть, работа [8, с. 369], а синонимами лексемы грусть – слова печаль, уныние, кручина [с. 111].

Исследование поэтических текстов В. Брюсова показало, что концепты «грусть» и «печаль» отчасти синонимичны, а также находятся в тесном взаимодействии.

Важную роль в репрезентации концептов «грусть» и «печаль» в поэзии В. Брюсова играет установление их ядерного содержания, эксплицирующего понятийную составляющую (понятийные признаки) эмоциональных концептов (ЭК).

В ходе анализа поэтических произведений выделены понятийные признаки, обусловленные и взаимосвязанные с кодифицированными значениями грусти и печали.

Значение «нердостое, невеселое настроение, чувство» [11, с. 505], отражающее признак «эмоциональное состояние героя», в поэзии В. Брюсова эксплицировано в контекстах, в которых реализуются дифференциальные семы (Д-семь): «печаль»: *Расслышу с грустью я, как ты, клонясь всем телом, / Прошепчешь мне: молись!* [1, с. 13], «исполненный грусти»: *Я видел их. Они вдвоем на пляже / Бродили. Был он грустен и расив* [1, с. 17], «невеселое настроение»: *Страницей грустной нежданно плелся я, и той тебе / подал венец* [1, с. 82]; *Печальных женщин воздыханья, / Мужчи, чудные слова* [1, с. 75], «в нерадостной забывчивости»: *Я грустно помню радужные крылья / И страсти новой за тобой просвет* [1, с. 392], «спокойно»: *За вами я долго и грустно следил* [2, с. 101], «без радости»: *Даст каждый грустно ответ: «О, нет! не я!»* [2, с. 153].

Признак «эмоциональное состояние героя» раскрывается у В. Брюсова через значение «чувство грусти» [6, с. 516] и отражено в контексте, содержащем Д-семь: «с томленьем»: *Ты снова, снова думаешь печально – обо мне!* [1, с. 125], «пребывать в печали»: *Тебя просил он, печален и нем* [1, с. 200]; *И встал во весь рост меж изгнанни-*

ков старший, / Спокойно-печальный [1, с. 255], 'полон печали': Я, печален, блуждаю меж знакомых развалин [2, с. 504].

Переживания лирического героя (признак «эмоциональное состояние героя») в поэтических текстах В. Брюсова манифестированы значением «чувство <...> скорби, состояние душевной горечи» [6, с. 516] в контексте, где лексема печальный имеет Д-сему 'смерть': Под холмом, травой поросшим, погребен печальный прах [1, с. 332].

Значение «то, что внушает такое чувство, является источником, причиной его» [11, с. 505], передающее переживание печали под воздействием чего-либо (признак «переживание печали с указанием его каузатора»), в брюсовской поэзии эксплицировано в контексте: Память снова нежат и печалят / Дни и сны, изжитые давно [2, с. 9].

В некоторых контекстах, согласно пушкинской традиции (ср. печаль моя светла, печаль моя полна тобою), печаль у поэта является положительной эмоцией. Лексема печаль имеет Д-семы 'свет' и 'красота': Ко мне ты вошла, хороша, как печаль [2, с. 234]; Стояла она у окна, / Смотря в догоравшую даль – / Она была strangely бледна, / Она вся была, как печаль [2, с. 238], 'стремление к чувству': Ищу восторгов и печали, / Бесшумных грез певучий стих [2, с. 307]. Аллюзия на героиню А. С. Пушкина Татьяну Ларину содержится в контексте, иллюстрирующем беспричинность и желанность чувства: Она любила строй беспечный / Мечтаний, уводящих вдали, / Цветы, снежинки, пояс млечный / И беспричинную печаль [1, с. 163]. В последнем контексте манифестируется признак «качественные свойства печали».

Наблюдается у В. Брюсова оппозиционная концептуализация печали, эксплицирующая признак «отсутствие переживания эмоции»: Не увлечен и не печален [2, с. 278]; Чту мне напев ликований, шум беспечального пира [1, с. 212]; Видел недавно в ручье беспечальную Нимфу [1, с. 250]; Это – бред беспечально-бесцельный / О палачем восторге земли [2, с. 358].

Актуализация концепта «грусть» осуществляется посредством лексемы грустнее, содержащей семный конкретизатор 'интенсивность чувства': И всё бессильней, всё грустнее / Стибаются столбы ворот [1, с. 31].

В лирике поэта мир природы также наполнен грустью и печалью: Казалось солнце, в яркости прощальной, / Над далью моря. Волны на песке / Чредой стихали, с жалобой печальной [1, с. 17]; Но как грустно, грозно и сурово / Ты влачишь валы на твердый лед! [1, с. 115]; Туман осенний струится грустно над серой далью нагих / полей [1, с. 120]; Где блуждающий ветер, угрюм и печален, / Ласкает в траве тела [1, с. 155]; И диск луны, прекрасен и печален [1, с. 181]; И Альпы, что давно от лести лицемерной / Устали, – мне свой блеск открыли в час зари: / Я видел их в ветках, в выдел – с высей Берна – / Их, грустно меркнувших, как «падшие цари» [2, с. 321]; И роща липовая, / Печально всхлипывая, / Листовой шумит [2, с. 382]; Под ветром ветвей и печально качая / И новые шишки роняя, / Всё новые шишки, еще, без числа... [2, с. 304].

Предметный мир у В. Брюсова одушевляется, приобретая коннотации грусти и печали: Вторят часы все печальной [1, с. 283]; И факелы грустно горели, так спокойно, так ясно, так / свято [1, с. 288].

Немногочисленны в поэзии В. Брюсова контексты, представляющие глагольную синтагматику концептов «грусть» и «печаль».

В произведениях поэта выделены первые актаны, которые объективированы существительными: 1) дни и сны: Память снова нежат и печалят / Дни и сны, изжитые давно [2, с. 9], 2) взор: Печален был туманный взор [2, с. 217].

Третий актант в брюсовской поэзии обозначен существительным людьми: Над людьми опечаленными [2, с. 58].

Таким образом, анализ концептов «грусть» и «печаль» в поэзии В. Брюсова показал, что данные концепты имеют отрицательные и положительные воплощения.

Понятийная составляющая концептов «грусть» и «печаль» реализует традиционные значения: нерадостное, невеселое настроение, чувство; то, что является источником чувства, причиной, внушает его; чувство грусти. Эти значения взаимодействуют с понятийными признаками: «эмоциональное состояние героя», «переживание печали с указанием его каузатора», «качественные свойства печали», «отсутствие переживания эмоции». Грустью и печалью наполнен внутренний мир лирического героя, мир природы и предметный мир. В поэзии В. Брюсова превалирует печаль, которой свойственны оппозиционность, трагичность, красота. Вышеизложенное свидетельствует о значимости концептов «грусть» и «печаль» в характеристике поэтической картины мира художника слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов, В. Собр. соч. : в 7 т. / П. Г. Антокольский [и др.]. – М. : Худож. лит., 1973–1974. – Т. 2 : Стихотворения 1909–1917. – 1973. – 496 с.
2. Брюсов, В. Собр. соч. : в 7 т. / П. Г. Антокольский [и др.]. – М. : Худож. лит., 1973–1974. – Т. 3 : Стихотворения 1918–1924, стихотворения, не включенные в В. Я. Брюсовым в сборники 1891–1924, поэма «Египетские ночи». – 1974. – 696 с.
3. Вежбицкая, А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков ; пер. с англ. ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М., 1999. – С. 503–525.
4. Калимуллина, Л. А. К семантической истории эмотивов печали (на материале русского языка XVIII–XIX вв.) / Л. А. Калимуллина // Языки и транснациональные проблемы : материалы I Междунар. науч. конф., 22–24 апр. 2004 г., – М.; Тамбов, 2004. – С. 434–441
5. Красавский, Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.20 / Н. А. Красавский ; Волг. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2001. – 40 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
7. Погребная, Н. А. Антонимический концепт в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / БГУ. – Минск, 2006. – 226 л.
8. Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Астрель: АСТ, 2005. – 648 с.
9. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – Т. 1, ч. 1. – 806 с.
10. Степанов, Ю. С. Грусть и печаль / Ю. С. Степанов // Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования – М., 1997. – С. 690–693.
11. Толковый словарь русского языка: ок. 30 000 слов ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 910 с.
12. Шмелев, А. Д. Грусть и печаль: сходства и различия / А. Д. Шмелев // Русская речь. – 2014. – № 1. – С. 44–51.

Хомич Т. П. (Мінск, Беларусь)

ГУЛЬНЁВЫ АСПЕКТ У ТВОРЧАСЦІ ЛЮДМІЛЫ РУБЛЁўСКАЙ (на прыкладзе зборніка «З'яўленне інфанта»)»

Сучасны літаратурны працэс Беларусі досыць інтэнсіўна ўзбагачаецца разнастайнымі гульнёвымі прыёмамі, актуалізуюцца і трансфармуюцца ўжо вядомыя ў літаратуры тыпы гульні (у творах В. Жыбуля, А. Хадановіча, С. Балахонава, А. Аркуша, Ю. Пацюпы, А. Спрычан, Л. Рублёўскай і інш.). Узмацненне ролі гульнёвага пачатку